

Дети войны, объединимся!

Судя по их отзывам и мнениям председателей советов ветеранов поселений, идея была воспринята положительно. В райцентре оперативно, на добровольных началах создана рабочая группа в составе 15 человек.

16 МО СП района, за исключением Шибертуйского, достаточно организовано, кто одномоментно, кто в несколько приёмов сдали заполненные анкеты в районный совет ветеранов, где их принимала председатель совета Агафонова Галина Антроповна. Ей помогала председатель районного общества инвалидов Ирина Степановна Погидаева.

Члены рабочей группы (думаю, ещё будет время назвать всех поимённо) проделали очень серьёзную, ответственную, кропотливую работу по анализу материалов каждого поселения. Её затрудняло то обстоятельство, что в ряде анкет были не заполнены отдельные графы. Понадобились звонки на домашние телефоны, в советы ветеранов и сельские администрации. Пользуясь случаем, хочу выразить благодарность всем, кто воспринял эту акцию, как своё личное дело: райсовету ветеранов, куда беспрерывно шли и идут люди с вопросами, в том числе и по заполнению анкет; сельским администрациям, председателям советов ветеранов поселений, членам рабочей группы, всем неравнодушным людям.

Да, были единичные случаи отказов заполнить анкету. Они вызваны неверием в то, что что-то изменится: «Всё равно ничего не добавят». Я понимаю этих людей. Можно ли судить глубоких пенсионеров с их мизерными пенсиями за то, что они рассчитывают хотя бы на минимальную материальную поддержку? Разве они не видят, какая пропасть образовалась в последние годы в уровне доходов различных категорий людей даже в масштабах района? Мало их обманывали? Вспомним «сгоревшие» сберкнижки, достопамятные «пустые» ваучеры, невозможность, имея 40 лет стажа, получить статус ветерана труда. Подобное можно долго продолжать. Так разве же пенсионеры, благосостояние которых разнится в сравнении с другими, как небо и земля, не вправе рассчитывать хоть на какое-то улучшение качества своей жизни? Или, для начала, на моральную компенсацию, получив статус детей войны? Глядишь, собственные дети и внуки посмотрят на них немного по-другому.

Память больше, чем жизнь

Можно, конечно, спросить, что героического в том, что человек в пять, десять, двенадцать лет пережил войну? Что дети могли увидеть, запомнить? Но даже если они находились в тылу, не в оккупации, всё равно – это военные дети. Их воспоминания тоже длиной в 1418 дней и ночей. Удивительно свойство человеческой памяти! Сегодня они не помнят, куда положили очки и выпили ли таблетку, зато с потрясающими подробностями помнят то, что произошло 50, 60, 70 (!) лет назад. Детская же память – вообще вещь загадочная. Спросите своих родных, и окажется, кто-то помнит себя чуть ли не с трёх-четырёх лет. Утверждал же Лев Толстой, что помнит

ощущение чистых и прохладных пелёнок, в которые его заворачивали во младенчестве.

Мои ровесники и те, кто постарше и помоложе, тоже многое помнят. Только кто их спрашивает об этом? А ведь они помнят даже предвоенные годы, когда хорошо зажили, если, конечно, родные не угодили под жернова репрессий. Помнят, как стучали топоры и рубились новые избы, как досыта наелись хлебушка, а родители были молоды и красивы. В домах, пусть не во всех, появилось радио, а в клубах и единственном кинотеатре имени Ленина стали показывать кино.

Только вскоре чёрная тарелка репродуктора разделила жизнь на «до» и «после» войны. Такова периодизация жизни детей этого поколения. Они помнят, как бежали по пыльной дороге за подводой или полуторкой, увозящей отцов на войну. Не забыли день, когда в щели забора или крыльца находили «казённое» письмо с «похоронкой». Тогда ни у кого не было почтовых ящиков, а почтальоны, молоденькие девчонки или старики, боялись заходить в дом со страшной вестью, чтоб не видеть в миг почерневших лиц жён и матерей, не слышать плач детей и истошные причитания семейских женщин. Буряткам выплеснуть горе слезами не позволяла вера, и они молча заглушали его в своём сердце. Не потому ли у многих оно остановилось раньше времени, оставив детей круглыми сиротами. Детдома – самые прискорбные страницы военного тыла. Знаем ли мы, что и сегодня рядом с нами живут бывшие детдомовцы, а некоторые из них за долгую жизнь так и не смогли разузнать, чью фамилию они носят и как звали их родителей. А вот как возвращались домой чужие отцы с тощими вещмешками, помнят и они. Сколько же тогда было калек: безногих, на жалких каталках; безруких, заткнувших пустой рукав за ремень гимнастёрки, слепых, с обгоревшими лицами. Потом они как-то быстро и незаметно исчезли с деревенских улиц.

Война была на всех одна: холод, нищета, недетский труд и голод. Можно ли забыть кусочек хлеба чуть больше спичечного коробка, полученный от учителя прямо на уроке? Дома хлеб из картошки (если она была), порой мёрзлой, сдобренной горстью муки. Ели повилицу – дикую гречу, ели лепёшки, чернее земли, и жестоко мучились животами. Подростки «выливали» сусликов из нор, шкурку – в Заготживсырьё, а мясо – в еду. Что скрывать, не все в войну голодали и не нами сказано: «Кому война, кому мать родна». Война, как лакмусовая бумажка, проявляла все человеческие качества, и хорошие, и плохие. В тяжёлые времена добрый ещё добрее, а подлый – подлее. Не забуду рассказ одного из детей военного времени, чей отец оказался в плену: «У нас в колхозе, кто был при власти да на складах, всегда были с хлебом. Калачей напекут да ещё на окно наставят. Век не забуду! Идёшь мимо и слюной давишься».

А потом будет Победа, у каждого своя. Её помнят почти все. Кто-то запомнил день, я помню ночь. Мы жили напротив райпотребсоюза в просторном доме с высокими окнами. Нас было под одной крышей три семьи: мама и я, мамина сестра Клавдия Михайловна с дочерью Наташей и

двоюродная сестра наших матерей Александра Трофимовна Зоркальцева с дочерьми Ниной, Зоей, Валей. Их отца Илью Никитовича помнят многие бичуряне, те, кто постарше. Его не взяли в армию по возрасту. Всех нас 9 человек – деревенская коммуналка. А на войне пятеро мужчин: мой отец Дмитрий Андриянович Овдин и дядя, муж тётки Клавы, – Павел Павлович Воронцов. На разных фронтах воевали три сына Зоркальцевых – Лёня, Никита и Володя. Можно представить, чем четыре года жила семья, как ждали и боялись почтальона.

Победа пришла к нам ночью. Мы, «центровские», похоже, узнали об этом чуть раньше, чем другие, потому что почта, первой принимавшая всю срочную информацию, была рядом, через два дома от нас, на месте нынешней гостиницы «Нива».

Кто-то палкой забарабанил в окно. Все, едва накинув что-то на себя, выскочили в тёмную-претёмную и тёплую, как парное молоко, майскую ночь. В считанные минуты улица была запружена полураздетыми людьми. Остальное – всё, как у всех: слёзы, объятия, откуда-то появилась гармошка. Радость неопишная! Помню поимённо все многодетные семьи соседей моего детства и послевоенных лет, кого известие о победе буквально «выплеснуло» на улицу: в одиночестве такое не пережить. Корнаковы, Некипеловы, Васильевы (Агаповские, семья Агапа Фолуменовича), Зандаковы (Чимит Жамбалонович), Кузнецовы (Ивушкины), Разницыны, Митропольские, Бадмаевы, Оленниковы (тётка Наталья с дочерьми и сыном Трофимом, старший, Емельян, служил в армии), Эповы, Ивановы (дядька Кузьма и тётка Агафья), Ломожаповы, Михальченко, Татьяна Фокеевна Иванова, тётка Вера Павлова. Через дом от неё жили Кривогорницыны, из этой семьи вышел писатель Виктор Иванов, автор книги «Вёрсты». А добрейшая бабушка Татьяна Лёвиха, у которой жил Герой Советского Союза Ефим Иванович Соломенников, приехавший сначала по ранению, а потом окончательно! Мы же, детвора, любили бегать в её бедную избёнку и играть на голом, без клеёнки, обеденном столе в шагайки. В крошечной, в одно окно, горнице бабушки Татьяны жила эвакуированная из Ленинграда семья Ольги Петровны Шиккер. Её муж, лётчик, погиб в бою. С ней проживали пожилая мама и дочь Ира, моя ровесница и подруга. Рядом с нами в пристройке к аптеке жила с малолетним сыном Юрой Дина Петровна Фарафонова – заведующая аптекой, а неподалёку фармацевт тётка Варя Томакова. Эти три тогда молодые женщины – подруги моей мамы Софьи Михайловны. Тёмными и долгими зимними ночами при свете керосиновой лампы они собирали посылки на фронт. И у каждой из перечисленных семей были свои защитники на Западе и на Востоке. Только далеко не все вернутся на родную улицу, как не вернулся муж тётки Арины Ерасихи. Васильев Ераст Сергеевич пропал без вести под Сталинградом. Никого из старшего, да и многих из среднего поколения моих соседей давно нет в живых. Светлая вам память.

...А мы в ту майскую ночь путались у взрослых под ногами, и те, кто поменьше, не могли понять, почему все плачут, ведь война кончилась. Я же

всё время задирала голову вверх, чтоб разглядеть что-то в этой неистово-счастливой, плачущей и ликующей толпе, но видела только звёзды на чёрном небе. Крупные, как яблоки. Больше никогда в жизни не видела я таких звёзд. А назавтра над Бичурой, оглашая окрестность гулом мотора, появился краснозвёздный аэроплан. Он летел так низко, что высыпавшая на улицы детвора боялась, что самолёт коснётся печных труб. Видели лётчика в кабине, и нам казалось – он улыбался... Тогда Бичуру осыпал белый листопад – поздравления-листочка с Победой над фашизмом.

...Что бы мы делали без этой памяти?

Кто мы. Сколько нас.

Немного статистики. По первоначальным данным, в районную организацию «Дети войны» вступили 1064 человека. На сегодняшний день Анкеты предоставили ещё 137 человек, в том числе, в основном частным порядком, 47 жителей Шибертуйского поселения. Эти документы пока в обработке. Итак, **данные о количестве детей войны по поселениям.**

Билютайское – 42, Бичурское – 170, Буйское – 84, Верхнемангиртуйское – 31, Дунда-Киретское – 63, Еланское – 77, Малокуналейское – 127, Новосретенское – 89, Окино-Ключёвское – 78, Петропавловское – 80, Посельское – 74, Потанинское – 50, Среднехарлунское – 21, Топкинское – 35, Хонхойское – 14, Шанагинское – 25.

Думаю, по небольшим сёлам и улусам сведения близки к истине. А вот Бичура... Сравним: в Малом Куналее 127 пенсионеров этого возраста, а в большой Бичуре всего 170. Главная причина – плохая информированность. Да и как она может быть иной, когда население лишили такого простого и надёжного средства информации, как проводное радио. Сколько помню себя всегда звучало: «Говорит Бичура». Стоило внятно сказать по местному радио о задуманной акции, и, я уверена, результат был бы более объективным. Уважаемые земляки, анкеты вы можете ещё сдавать хоть до нового года. Главное, чтоб не остались в стороне те, кто хотел бы вступить в наш союз.

Кто же мы по годам рождения. Хотелось бы осмыслить бесстрастные цифры. Меньше всего осталось тех, кто постарше: 1932 год – 59 человек, 1933 – 49. И на это были причины. В начале 30-х годов случился страшный голод, вызванный чудовищной засухой. Иван Фирсович Истомина, родившийся в 1933 году, рассказывал, что мама сшила из своей станушки саван ему, младенцу, потому что не надеялась, что может выкормить и спасти его. Наверное, молитвами Агафьи Константиновны и выжил сын.

А дальше пошёл рост. В 1935-1939 годах благоприятствовала погода, крепили колхозы, получали невиданный урожай. Сколько наших земляков – ударников, председателей колхозов побывало в Москве на съездах передовиков, где получили высокие ордена! Имена К.Ф. Иванова, Е.Л. Петрова, Д.Т. Гармаева, Э.С. Санжиева, мне кажется, должны ещё помнить.

Но с тридцать девятого года (102 человека) пошёл резкий спад новорождённых. В воздухе пахло грозой, начались массовые мобилизации. Молодёжь забирали на действительную службу, в том числе и тех, кто имел отсрочку – учителей, милиционеров, ещё несколько категорий. Подобрали и

отслуживших отцов на переподготовку. И вскоре все мобилизованные в действующую армию с Востока мимо малой родины ехали на войну. Дома остались, в том числе, беременные жёны, и потому в 1941 году ещё родилось 80 младенцев, нынешних пенсионеров, большинство из которых никогда не видели отцов. Далее по военным годам с 42-го по 45-й пошёл спад – 44, 31, 32, 37 родившихся.

Интересны данные по стажу работы. Лишь девять процентов пенсионеров, 124 человека, имеют стаж до 30 лет. До 20 лет проработали в основном женщины. Объясняется это тем, что в семьях, один за другим, рождалось много детей. Но главная причина в том, что подростки, работая в колхозах с десяти-двенадцати лет, не имели трудовых книжек. А архивы, где записаны их трудоводни, во многих случаях не сохранились или сохранились не полностью. Самая большая категория работников, 545 человек, имеют стаж от 31 до 40 лет. Свыше 40 отработали 385 детей войны, а восемь – имеют стаж более 50 лет.

Какова же картина по образованию? Совершенно неграмотных практически нет. Ликбез 30-х годов сыграл свою положительную роль. 53 человека назвали себя малограмотными. А 397 окончили начальную школу. Желанную семилетку завершили 325 детей войны, а вот среднее образование получили всего 78 человек. Одна из причин – введение платы за обучение в 8-10-х классах. Из всех сил старались приобрести специальность, поступая в ФЗО, училища и техникумы (144 человека). Высшее образование из 1064-х человек смогли получить лишь 62, и то большинство окончили заочно, после армии или имея семью. Удивительно ли это? Вдумайтесь в **сведения об отцах-фронтовиках.** 611 из них вернулись живыми. На погибших и пропавших без вести получено 298 «похоронок». Почти каждый третий остался лежать неизвестно где под фанерной звёздочкой или сгорел в танке и самолёте, утонул в бесчисленных реках, которые они форсировали. Самые «счастливые» покоятся в именных братских могилах, но лишь немногие постаревшие дети и их внуки едут поклониться праху родных. У 1064 опрошенных воевало 909 отцов. Не воевавших (конечно же, большинство по объективным причинам: бронь, болезнь) всего 155.

Посчитали мы, **сколько несовершеннолетних осталось в семьях в войну.** Оказалось 3540 детей, в среднем 10 малолеток на три семьи. А сколько семей, где остались без отца от шести до девяти детей!

В Анкете был **вопрос об особых категориях льготников:** тружениках тыла, инвалидах, ветеранах труда и репрессированных. Вот информация для размышления о тружениках тыла и ветеранах труда. Рождённых в 1932 году (это последний возраст, по закону имеющий право на статус труженика тыла), так вот, лиц этого возраста – 59, а по анкетам тех, кто имеет эту льготу – 81.

Всего ветеранов труда – 569, в то время как стаж от 30 до 50 лет выработали 938 человек. Нет ли здесь парадокса?

В районе проживают 19 человек из семей репрессированных.

И теперь об инвалидах. Их у нас 205 человек. Думаю, в действительности таких людей в возрасте от 67 до 80 лет должно быть на порядок больше. Как я понимаю, ужесточились требования к показаниям на инвалидность. Медики лучше меня знают причины этого. Кто позаботился о старости пораньше, тому, считай, повезло. Сегодняшним же пенсионерам с букетом заболеваний получить инвалидность так же проблематично, как слетать на Луну.

Вместо итогов. Бесстрастная, холодная статистика порой бывает более впечатляющей, чем самое живописное описание. Если бы статистика умела краснеть, она сгорела бы со стыда от того, что поведали листочки бумаги с заголовком «Анкета детей войны». Посочувствуем этим людям, ибо старость не обойдёт никого, кому посчастливится дожить до неё.

P.S. Сожалею, что в Анкете не задали вопрос, есть ли фотографии военного детства в вашем доме. Какая бы это была удивительная фотолетопись.

**Нелли Коробенкова,
наш внешт. корр.**

13 июля в газете «Бичурский хлебороб» опубликована статья «Мы все войны шальные дети», пафос которой я определила бы так: «Дети войны, объединимся!». И уже через месяц, 14 августа, собралась рабочая группа, чтобы подвести первые итоги акции по заполнению анкет тех, кто принял решение вступить в первичную, а, следовательно, и районную общественную организацию «Дети войны»